

Публика почти сплошь молодая, в кожаном и тряпичном прикиде. То в одном углу, то в другом взрывалась она затаенным смехом и смехом — признаками жадного голода, какой бывает при узнавании своего, родного, которого долго не было, слава Богу, появилось, еще не развернулось в полную силу, но вот-вот развернется.

Легендарный Петр Мамонов, некрасивая краса, звезда и гордость рок-сцены, породивший знаменитые «Звуки Му», уехавший в деревню, скрывшийся там от суеты, точно мог рассчитывать на такое затаенное ожидание. На сцене театра мелко дрожал, строил ужасающие гримасы, нервно обирал себя руками, пел под гитару и говорил прозой, все вместе и вперемешку, несчастный русский человек.

Программок не было. Но и без них скоро стало понятно, что разыгрывается водевиль. А именно — по Чехову, по его «шутке в одном действии» «Предложение». Степан Степанович Чубуков, помещик, Наталья Степановна, его дочь, Иван Васильевич Ломов, сосед Чубукова и также помещик, — все был он один, артист Петр Мамонов. Он не менял наряда, как вышел в темно-серых брючонках и такой же рубашке, так и оставался в них на протяжении полутора часов, только изредка менял диспозицию, присаживаясь на крайшек стула или вскакивая, а главным образом за счет гримас и гибкого голоса создавая пресмешные образы своих персонажей. Потрясающая гибкость и пластика выводили исполнителя в высший клоунский, шутовской разряд. Не смеяться нельзя было.

Фото Михаила ГУТЕРМАНА

ЗВУКИ МУКИ

ПРЕМЬЕРА

В Театре имени Станиславского проходит премьерный показ моноспектакля Петра Мамонова «Есть ли жизнь на Марсе?..»

Смена планов происходила «заподлицо», как говорят плотники, ни волоса проложить. Только что была Наталья Степановна, и вот уже «рок», и вот уже какие-то маленькие истории инкрустированы в полотно стола, к какому приглашены пировать, и вдруг некий сухой биографический текст про автора, Чехова, чтобы напомнить, что «из купцов», и тут же вроде что-то из переписки его или с ним, и опять «рок», и опять Степан Степанович, и Иван Васильевич... И так далее. Не жалея себя, позволяя себе самые безобразные личины, обнажаясь в своей ужасной жалкости, бессмысленности и тупости, этот наш самоотверженный, на грани безумия, толмач, переводчик с русского на русский, внезапно останавливался, удерживал, убирал дрожанье и гримасничанье и — глубоким, спокойным, совершенно ровным голосом, не давая себе ничего педалировать, произносил несколько простых и сокровенных фраз. И все менялось в секунду. Все окрашивалось в цвет вселенской тоски по идеалу, по разуму, которых как не было, так и нет под нашим низким небом, затянутым вечной облачностью, проливающей вечные осадки на наши бедные головы. Нам давали масштаб замешенной на комедии трагедии, и дыханию нельзя было не прерваться.

Миг проходил. Артист снова преображался, продолжался водевиль, продолжалось экзистенциальное, космическое, умалишенное бытие. Король Лир и Акакий Акакиевич, сестрица Аленушка и Алиса в Стране чудес, все, все мы, с нашими мужьями и женами, подчиненными и начальниками, чиновниками и депутатами и прочими выразителями дум, каким-то чудесным образом оказывались поняты им, представлены им, воплощены им с силой и страстью необыкновенными.

Есть ли жизнь на Марсе? Вопрос про нас, про человечество.

Нет. Нет ее, этой жизни. Не на Марсе — на Земле.

Тем героичнее всякий из нас, продолжающий сопротивляться небытию.

...После спектакля за кулисы к Петру Мамонову рванули дружки. Один все орал заплотомно: «Ты отвязался, да?! Ты отвязался?! Я правильно понял?!» — и бил ладонью о ладонь Мамонова. Мамонов, отвечая ладонью на ладонь, радостно орал в ответ: «Я рассказал историю! Я рассказал историю!..»

Он знал, что сделал. Потому был радостен.

Ольга КУЧКИНА.